

Курбанов Муса Гасангусейнович

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАЗУМНОСТИ

Автор анализирует философские взгляды и представления о человеческой разумности и ее роли в социальной жизни человека. При этом сравниваются хитрость разума и хитрость социума, проистекающие из сущностей разного порядка и направленные к общей цели – гармоническому сочетанию человека и общества. Автор рассматривает особый результат разумности, который делает каждого человека взаимно открытым перед другими людьми и приводит их всех к преодолению естественной индифферентности через первичные социальные механизмы дружелюбности и враждебности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 118-122. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

DMITRII IVANOVICH SVYATOPOLK-MIRSKII AND HIS "MEMORANDUM ABOUT THE TEREK OBLAST"**Kochieva Alana Givievna**

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences and Government of the Republic of North Ossetia-Alania
alana-moro@mail.ru*

The article presents the brief biographical survey about one of the Caucasian administrators of the middle of the XIX century, the chief of the Terek oblast Dmitrii Ivanovich Svyatopolk-Mirskii and describes the document providing an idea about his views on governing the region. Being competent in the sociocultural specificity of the region, Svyatopolk-Mirskii proved himself to be a consistent follower of regional guidelines in governance. He developed his ideas and proposals on the improvement of administration in the Terek oblast in "Memorandum about the Terek Oblast", where the issues of legal procedure, land commissions functioning, and local police organization are considered.

Key words and phrases: D. I. Svyatopolk-Mirskii; the Terek oblast; North Caucasus; "Memorandum about the Terek Oblast", land commissions; local police.

УДК 130.3:17

Философские науки

Автор анализирует философские взгляды и представления о человеческой разумности и ее роли в социальной жизни человека. При этом сравниваются хитрость разума и хитрость социума, протекающие из сущностей разного порядка и направленные к общей цели – гармоническому сочетанию человека и общества. Автор рассматривает особый результат разумности, который делает каждого человека взаимно открытым перед другими людьми и приводит их всех к преодолению естественной индифферентности через первичные социальные механизмы дружественности и враждебности.

Ключевые слова и фразы: человек; разумность; разум; хитрость разума; социум; хитрость социума; вражда; дружба.

Курбанов Муса Гасангусейнович, к. филос. н., доцент

*Дагестанский государственный университет
kurbanovm@mail.ru*

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАЗУМНОСТИ[©]

Работа выполнена в ДГУ по Проекту 18-С: «Разработка идеологических и психологических основ профилактики экстремизма и терроризма на базе Центра проблем предупреждения экстремизма и терроризма».

Современная наука, при всех своих успехах и достижениях, до сих пор также бессильна в познании человеческой разумности, как и прежде. Это касается и таких феноменов человеческой жизни, как духовность, творчество, свобода, мораль, вера, воля, опыт и других, в которых разумность присутствует в конкретной форме сочетания или господства. Казалось бы, что современный человеческий разум должен был уже давно научиться к устойчивым способам противостояния иррационалистическим позывам не только диких и инстинктивных сил. Тем не менее, в определенных обстоятельствах эти позывы и силы могут безраздельно преобладать над любыми усилиями разума, если дело касается понимания более глубоких тайн человеческого бытия, перед которыми разум теряет свое господство и могущество. Это относится и к таким проблемам человеческой жизни, которые делают разумность негативной, то есть реализуемой в ущерб самой человеческой жизни. Так, негативная разумность может обнаруживаться в деятельности экстремистов, террористов, фанатиков, для которых нравственная самодостаточность разума теряет свой внутренний смысл, в результате чего разумность становится опасным инструментом насилия. Выбор, сделанный в обход позитивной разумности, пробуждает темные силы, чуждые внутренней природе самого разума. Поэтому можно прямо сказать, что именно инструментализация разума порождает феномен негативной разумности. Теракты свидетельствуют о том, что не только террористическое злодеяние реализуется через негативно-мотивированную разумность, но и сам террорист как «злоумышленник является разумным существом» [2, с. 110], готовым на безумные поступки.

Более того, поскольку разум не всегда и не в любом случае сохраняет безусловный суверенный статус, то следует быть очень осторожным при рассмотрении разумности человека, особенно в ходе исследования его социально-сингулярной и маргинальной реальности, выталкивающей человека на периферию социума. Человек, взятый в отдельности, по определению предполагается разумным существом (*homo sapiens*), но в социальных хитросплетениях разумность человека не столь сильна, чтобы постоянно удерживать свой суверенный статус в противодействии суверенности других людей и связанных с ними обстоятельств, а значит и суверенности всего социума.

Социальная сущность разумности состоит в том, что возникая как результат общепринятых, нормативно культивированных форм интеллектуальной деятельности, она почти всегда и во всем стремится к своей долгожданной и вожаденной хитрости, но любая хитрость тоже почти всегда избегает и изменяет своей разумности. Ведь в повседневной жизни человека есть место не только для предусмотрительной и хитрой разумности, но и для безумной храбрости, далекой в том числе и от самой изощренной хитрости мирового разума, в которой уравнивается как чрезмерная расточительность, так и излишняя скупость поступков человека, всегда устремленного на полноценную самореализацию в жизни общества. Ведь хитрость никогда не остается пленницей разума, и если она достается безумию, то не иначе как подарок судьбы. Вот почему безумию всегда недоставало той хитрости, которой могла бы оправдаться каждая суверенная человеческая жизнь в обществе. Люди – разумные существа, поступающие сообразно своим разумным целям. Но в общем итоге социальной жизни каждый получает совсем не то, что он хотел иметь для себя, а лишь то – что надо иметь для всех. Поэтому гармоничное сочетание в развитии человека и общества является необходимым как для человека, так и для общества.

Хитрость человеческого разума в снятом виде и атрибутивно всегда присуща человеческой разумности, не ограниченной стихийными силами природы. Но при этом человеческая разумность всегда будет на несколько порядков уступать той хитрости, которая легла в основу зарождения социальной реальности, ибо хитрость социума является сущностью и причиной более глубокого порядка, чем хитрость, сфокусированная на разуме отдельного человека. Через свою историю и культуру любой социум всегда каузально будет обладать более сокровенной и таинственной хитростью, по сравнению с концептуально раскрученной Гегелем «идеей хитрости разума, согласно которой разум являет себя в истории лишь посредством человеческих страстей, которые, в свою очередь, даже в самых неразумных своих проявлениях, суть инструменты его воздействия» [6, с. 118].

Социум изначально сверхразумен, метарационален и не ограничен предсуществующей в нем имманентностью, и это делает его неуловимым для излишне объективированных знаний. Именно социогенная устремленность к трансцендентному оказывается общим источником всякой хитрости, в которой скрыта тайна человеческой жизни в форме истории и культуры. С каждым человеческим поступком, с каждым происходящим событием в культурно-исторической жизни трансцендентность каждый раз заново самопорождается как бы вопреки тому, на что человек был способен ранее. Именно трансцендентность как субстанциальная сила человека всегда требует от *человеческой* жизни нечто большее, чем это есть во всякой иной жизни, ибо жизнь, по своей общей сути, может существовать лишь в имманентном виде, обрекающем человека на очередную трагикомедию.

Суверенная, сингулярно-пристрастная, индивидуально-личностная разумность человека «растворяется» в разумности «другого» (а через него и в разумности всего социума) так, что от первой не остается и следа. При этом, для отдельного человека социальная разумность представляется как трансцендентная сущность, которая может выступать абстрактной возможностью (иллюзией) или потенциальной силой (мечтой) для человеческой жизни лишь до тех пор, пока она не получает имманентное приложение в отношениях и взаимодействиях человека с другими людьми. Разумность как преобладающая форма социальной жизни человека всегда становится фрагментом социальной реальности в тесной связи с той эпохой, в условиях которой она возникает и воплощается.

Суверенность же разумного человека формируется на основе различных символических разграничений между тем, что в нем было тождественным самому себе, и тем, что выражалось как тождественное чему-либо иному (искомому, желанному, должному), но не сущему. Поэтому предшествующее разумное начало, проистекающее из человеческой самотождественности как сущего, всегда было асимметричным к разумному началу, проистекающему из тождественности к иному или другому. Отсюда ясно, почему пристрастный человек, впадающий в безумие, порою ведет себя неразумно не только в отношении к другим людям, но и в отношении к самому себе. Сознание человека, устало плутающее в лабиринтах повседневной жизни, всегда готово с легкостью принимать решения и соображения, более близкие к пристрастиям и более далекие от разума. Витальные аффекты, страсти, иррациональные фантазии могут выступать на первый план и определять образ действия и поведение человека. Чистая разумность изначально разрушила бы самую возможность социальной реальности. Поэтому социальная реальность возникает как новый более жизненный способ преодоления не только прежних угроз, но и пугающих негативных форм иллюзорности, мешающих культурно-исторической перспективе практической деятельности человека. Как позитивная, так и негативная иллюзорность мыслей разрушается в ходе практического овеществления человеческих устремлений. Ведь давно известно, что «хорошие» мысли (связанные с мечтами и надеждами) благотворно влияют на ход человеческой жизни даже в том случае, если они так и остаются несбывшимися. «Плохие» же мысли (вызванные страхами, опасениями, тревогами) заметно осложняют жизнь, мешают ее размеренному ходу. Не зря в общественной психологии народов возникали стихийные механизмы и способы избавления от пагубного влияния «плохих» мыслей как предубежденных ожиданий беды («трижды постучать по дереву», «трижды сплюнуть через левое плечо», перекреститься и т.д.), реализация которых и до сих пор имеет не только суверенно-религиозную семантику, но и четко выраженную психо-компенсаторную функцию.

Набирая «критическую массу» постоянно возникающих социальных конструкторов, функциональная феноменальность «другого» в жизни человека снимается таким образом, что преодолевает свою имманентную иллюзорность и получает вполне реальное «силовое наполнение», – она снимает с общечеловеческого тела фетишизированный облик и воплощает воображаемый потенциал в актуальное бытие, реализует рефлексированную

символику в социально-овеществленную реальность. В результате, феноменальность «другого» становится особым «силовым полем» социума, которое пронизывает бытие каждого человека и включается в человеческую жизнь таким образом, что может либо стягивать отношения людей (интра-социум), либо растягивать их (экстра-социум), создавая особые формы совместного человеческого бытия.

Интра-социальная форма бытия людей как овеществленный результат стягивания отношений между ними (близкодействие) реально сближает их настолько, что закрепляется в особом социальном **механизме дружбы**. Этот механизм императивно задает и формирует такие общие способы совместной жизни, как сотрудничество, сплоченность, солидарность, преданность, доверчивость, откровенность, заботливость и т.д. Не зря в народе говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

Экстра-социальная форма бытия людей как овеществленный результат растягивания отношений между ними (дальнодействие) отдаляет их настолько, что получает реализацию особый социальный **механизм вражды**. Это императивно ведет к появлению таких общих форм человеческой жизни, как соперничество, противоборство, неприязнь, враждебность, настороженность, отверженность и т.д.

Если человеческая сердечность поляризует социум на дружбу и вражду, то человеческая разумность отделяет в социуме сферу истины от сферы лжи. Какой способ поляризации социума станет решающим – этот выбор всегда остается открытым, даже после того, как он сделан с опрометчивой поспешностью или с расчетливым бахвальством. Человек разными своими сторонами включается в различные социальные механизмы и ситуативно реализует себя в ходе преодоления индифферентности «другого», сначала идентифицируясь в образе либо «своего», либо «чужого», а затем – локализуясь в образе друга или врага. В широком смысле слова дружба и вражда представляют собой два полюса, составляющих один из внутренних источников движения социума. Получая императивный характер, дружественность и враждебность могут асимметрично входить в привычку как вторую социальную натуру людей, предопределяющую их способ взаимного отношения и поведения. Это происходит даже независимо от характера взаимной преданности или конфликтного содержания межличностных отношений, особенно в тех случаях, когда эти императивы институционализированы в социальных структурах экономики, политики права и соответствующих им механизмах совместной деятельности. Так реализуется, например, враждебность как форма поведения членов преступного сообщества в отношении к сотрудникам правоохранительных органов или корпоративная дружественность как форма поведения деятелей науки в ходе научной конференции.

Только разумность делает человека предельно открытым для других людей, ибо «посредством свободной игры того, что люди считают своими интересами, разум должен встраиваться в отношения, спонтанным образом устанавливающиеся между ними, так, чтобы эти отношения контролировать и направлять. Это происходит так, как если бы разум манипулировал человеческими страстями как материалом для подчинения людей своим собственным целям» [Там же, с. 134]. Именно разумность позволяет человеку, избегая социальную индифферентность, соизмерять свое отношение к «другому» через дружественность или враждебность, поляризующие весь социум. В любом случае дружественность проистекает из вполне разумной надежды на обретение полноты человеческого бытия в социуме, а вражда, если она не завершается смертельным исходом, является результатом отчаяния как наличной утраты человеком самого себя в несовместимых с ним формах социальной повседневности.

Человеческая разумность появляется тогда, когда человек начинает различать в мире истину и ложь. Истина мира, постигаемая через природу, выражается в том, что *есть*, как *есть*, когда *есть*, где *есть* и т.д. Именно разум помогает человеку сквозь природу увидеть весь мир. Но мир, постигаемый разумом как универсум бытия, перегружает возможности самого разума, заставляет его хитрить, обходя умозрительные антиномии того, что может *быть* или не может *быть* вообще. Разумно постигаемый мир как феномен бытия всегда полон для человека тайн и загадок. Каждое разумно переживаемое событие может открывать или скрывать ту или иную тайну мира, приближать нас к ней или удалять от нее. С архаичных пор человек осознает то, что мир как реальность существует и в нем, и помимо него. Это обстоятельство с линейно-последовательной логичностью обозначилось между двумя противоположными формулами: «**я существую в мире**» (т.е. «одно во всем») и «**мир существует во мне**» (т.е. «все в одном»). Первая формула гармонично вписывается в орбиту вращения чистого разума, культивируемого картезианскими, кантианскими, гегельянскими рассуждениями, а вторая органично выводится из постулатов шопенгауэровского, ницшеанского иррационализма о мире как воле и представлении. Почему происходит так, что человеческая разумность не всегда становится действительной, а человеческая действительность не всегда оказывается разумной? Это происходит потому, что самая наивная хитрость социума является непреодолимой даже для самой изворотливой хитрости разума. В социуме постоянно продуцируются две противоположные формы отношения человека к миру – рациональная и иррациональная, которые указывают на разное место человека в мире и на его многомерное соучастие в непрерывном конституировании социума. Проблема человеческой многомерности в социально-философском, антропологическом и гуманистическом аспектах рассмотрена автором в ряде работ [3; 4; 5], но в аспекте рационалистических представлений эта проблема получает новые очертания, неприметные ранее. Мысль о человеческой многомерности и множественной целостности не только закрепляется в различных фигурах логики, но и оформляется в устойчивую социально-историческую традицию. Культивируемая человеческой разумностью, «традиция выражает эту мысль в формуле: «одно во всем; все в одном; одно в одном; все во всем». Это целостный, холистический взгляд на Вселенную воплощает одно из глубоких прозрений, когда-либо достигнутых человеческим разумом» [1, с. 17].

Человек не сразу смог вырваться из плена линейно-логических предписаний разума. Ему предстояло совершить следующий шаг, без которого движение вперед не могло состояться в том виде, чтобы остаться незамеченным. Надо было иррационально подойти к пониманию того, что мир, который существует в нем, может быть таковым не только как естественная реальность, но и как иллюзия, образ, мысль, идея, конструирующая или фетишизирующая наличную реальность. В ходе своего длительного эволюционно-исторического филогенеза человек обнаружил, что оба согласованных шага дают ему общий элемент логического движения вперед. В отличие от движения тела, оба шага продвигают мысль человека вперед только тогда, когда они отталкиваются друг от друга, а не от какой-то общей внешней опоры. Бросить известную фразу *«дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир»* мог только самый изощренный разум Архимеда, который обрел эту *«точку опоры»* внутри себя.

Обвальное продвижение разума вперед открывало перед ним настолько уникальные возможности и способности отражения мира, что пришлось взамен навсегда утратить изначальность естественного существования в природе, помимо которой человек прежде существовать и не мог.

Имманентная разумность человека, подкрепленная чувством, волей и верой, обнаружилась в том, что теперь может не только признавать, но и отвергать данную человеку соразмерность и интервальность существования в мире, трансцендентно реструктурировать ее под сущность постоянно мыслящего и действующего человека (*«мыслю, следовательно существую», «существовать, значит быть воспринимаемым»*). Человек разумно мыслит и разумно чувствует не ради самих мыслей и чувств, а ради своего разумного существования в мире. Благодаря проявлению разных интенций своей соразмерности с миром человек постигает такие интервальные области своего бытия, которые совместимы с его постоянно растущими ожиданиями. Тем самым сущность человека реализуется через разумность его существования, а существование становится самосозидающимся феноменом в связи с тем, что с каждым восходящим шагом перед человеком открываются новые возможности выхода за пределы естественного существования [4].

В каждом случае мера совместимости и соразмерности для каждого человека может оказаться уникальной, относительной, своеобразной и феноменальной. Поэтому человек, покидая свое тождество с природой и оживляясь в социуме, никогда не сможет полностью преодолеть раскол между собой и внешним миром, ибо каждый раз «человек вынужден отчуждаться, чтобы затем преодолеть этот раскол в деятельности разума» [8, с. 321]. Анализируя эту ситуацию на личном примере, Э. Фромм считает, что «только в том случае, если я могу отличить внешний мир от самого себя, если внешний мир становится объектом, я могу охватить его мыслью и, превратив его в собственный мир, вновь слиться с ним» [Там же, с. 320-321].

Мир сразу и целиком непостижимо открыт перед человеком во всем многообразии, но человек не может сразу и целиком открыть и определить для себя эту всемирность, а значит, не может и открыться перед миром во всей своей неизведанной полноте, во всей человечности. Поэтому в предельном смысле всемирность постигается как перспективная социальная проекция человечности, а человечность – как социально проектируемая перспектива всемирности. Что можно определить в итоге такого синтеза? Пойдет ли такой итог на пользу и во благо для человека, устремленного к своей всемирности, а также на пользу мира, воплощенного в форму человечности? Ведь разумное бытие открывает перед человеком универсальные возможности. Человек, постигший первые плоды своей всемирности, теперь может стремиться не только к обретению человечности, но и к избавлению от ее навязчивых излишеств [7], к расчеловечиванию так называемой «сверхчеловечности».

В ходе разумно организованной социальной жизни человек постепенно превращается во всемирное существо. Человек теперь и сам стремится стать всемирным существом, но это происходит только тогда, когда он разумно реализует свою человечность не обособленно от других людей и не в отдельных вещах, а в отношении социума и целостного мира. Именно разумное отношение дает человеку возможность соизмерять свою уникальность со своей же универсальностью. Именно это отношение может сделать мир объемлемым и объятным для человека. В человеке, реализовавшем свою всемирность, можно обнаружить, что его универсальность и уникальность удивительно сходятся в одно феноменально целостное образование.

Список литературы

1. Гуревич П. С. Проблема целостности человека. М., 2004. 178 с.
2. Гусейнов А. А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо? // Логос: философско-литературный журнал. М., 2008. № 5 (68). С. 103-121.
3. Курбанов М. Г. К многомерности человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 108-111.
4. Курбанов М. Г. Онтологические основы познания человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. I. С. 98-102.
5. Курбанов М. Г. От закономерности человека к человекомерности законов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 90-94.
6. Машрэ П. Спиноза, конец истории и хитрость разума // Логос: философско-литературный журнал. М., 2007. № 2 (59). С. 116-140.
7. Мэй Р. Любовь и воля. М.: Рефл-бук, 1997. 384 с.
8. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.

PROBLEM OF HUMAN RATIONALITY

Kurbanov Musa Gasangusejnovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Dagestan State University
kurbanovm@mail.ru

The author analyzes philosophical views and ideas about human rationality and its role in human being's social life. The paper compares cunning of mind and cunning of society originating from different kinds of substances and directed at the common goal – the harmonious integration of human being and society. The author considers a specific result of rationality, which makes every person mutually open to other people and leads all of them to overcoming natural indifference through primary social mechanisms of friendliness and hostility.

Key words and phrases: human being; rationality; mind; cunning of mind; society; cunning of society; hostility; friendship.

УДК 008; 796.8

Культурология

Культурологический подход к образованию предполагает знание основных характеристик культуры. В статье описан подход, на основе которого определены глубинные основания русской культуры, показана необходимость сопряжения с ними непрерывного образования (преимущественно неформального и информального). В качестве примеров приведены результаты исследований образовательного процесса в лагерях по русскому кулачному бою. Даны общие и частные рекомендации по внедрению данного подхода в систему образования.

Ключевые слова и фразы: глубинные основания русской культуры; культурология; кулачный бой; непрерывное образование; освоение; согласование; соединенность; неформальное образование; традиционная культура.

Куц Владимир Анатольевич, к.т.н.

г. Санкт-Петербург

2697305VK1@inbox.ru

Мельникова Алла Александровна, к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

88alla88@mail.ru

ГЛУБИННЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ КАК ОПОРА НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕТНИХ ЛАГЕРЕЙ ПО РУССКОМУ КУЛАЧНОМУ БОЮ)®

В современной трактовке образование – это процесс, выходящий за пределы уроков [1; 4; 5; 16], неразрывно связанный как с происходящим в мире, так и с русской культурой, – знание и того, и другого открывает для учителя возможность оптимизации способов обучения ребенка. Опора на базовые основания культуры повышает продуктивность школьной учебы, а понимание тех обучающих процедур, в которые включен ребенок вне уроков, дает возможность гармонично соединить формальное и неформальное образование в единый мощный непрерывный процесс. Происходящая в настоящий момент культурная экспансия чуждых нам норм и ценностей [12] еще более повышает необходимость активизации наших глубинных оснований и построение на их основе процесса непрерывного образования [4].

Глубинные основания русской культуры и метод их определения

Определяя сущностные основания русской культуры, авторы многочисленных работ выводят в них в качестве значимых различные ее модусы, что свидетельствует об отсутствии общеметодологической базы культурологического подхода к изучению данных феноменов.

Одним из разработанных в настоящий момент является лингвокультурологический анализ оснований культуры. Язык – не просто закрепленное в словесной форме представление о мире: занимая место между человеком и внешним миром, он сам в свою очередь влияет на человека, задавая те или способы классификации внешней действительности. С помощью анализа морфологии и синтаксиса русского языка, обрядовых действий определены глубинные основания русской культуры [11; 15]. Они транслируют следующие идеи: 1) соединенности, связанности всего со всем (субъектов друг с другом и с объектами, объектов с объектами); 2) подстраивания, согласования; 3) значимости внутреннего, базового (в субъектах, их признаках, процессах, ситуациях и т.д.); 4) пониженной значимости формального.

Покажем на нескольких примерах, как проявляются эти идеи в образовательном процессе в летних лагерях «Пересвет» и «Изборск», а также как активизация оснований культуры способствует осуществлению на практике процесса непрерывного образования.